

А.С. РУСЯЕВА

О ТРАДИЦИЯХ МИЛЕТА В КУЛЬТУРЕ ОЛЬВИИ ПОНТИЙСКОЙ

Общеизвестно, что эллинские традиции играли основополагающую роль в развитии культуры античных городов Северного Причерноморья¹. Для нашей темы особый интерес представляет рассмотрение малоизученных вопросов их переноса в период колонизации из метрополии – Милета – в колонию Ольвию и выяснение главных факторов их сохранения или воспроизведения в совершенно иных экологических и внешнеполитических условиях на огромном расстоянии от родины и главных центров эллинской цивилизации. Важно также кратко проследить историческую преемственность в идейно-духовной сфере и традиционные формообразующие компоненты в общекультурном развитии древнегреческого полиса в Нижнем Побужье на основании давно известного договора Милет – Ольвия об исополитии, при изучении которого, прежде всего, главное внимание обращалось на политические и экономические отношения между ними преимущественно в VI–I вв. до н. э.²

Предварительно необходимо хотя бы очень кратко коснуться вопросов, связанных с историей и культурой метрополии, прежде всего, периода основания и начального существования Ольвии. Как хорошо известно, историческая судьба Милета VI – начала V в. до н. э. изобилует многими событиями, в том числе и трагическими [Graham, 1988, p. 98–117; Kleiner, 1966, S. 2–26].

¹ Термин «традиция» (лат. *traditio* – «передача, предание, преподавание» и др.) в разных аспектах определяется как передача от поколения к поколению духовных ценностей жизни, в которые включаются чаще всего основные элементы политического, социального и культурного наследия, в особенности религиозных воззрений и творческой интеллектуальной деятельности, в античную эпоху также во многом связанной с религией. «Разумеется, рецепция и усвоение интеллектуальной традиции в новых исторических условиях сопровождается отбором тех или иных элементов наследия, развитием самой традиции. Интеллектуальная традиция рассматривается, таким образом, не только как преемственность идей и способов мышления, непрерывность исторического наследования в интеллектуальной сфере, а как процесс воссоздания, активного восприятия, селекции, переформатирования, творческого преобразования, преодоления или возрождения» [Петрова, 2010, с. 6]. Хотя процитированное здесь суждение касается более высокоразвитой общепонтийской интеллектуальной традиции, возродившейся в определенной степени в средние века, тем не менее в основных аспектах в методологическом плане оно важно и для изучения традиций Милета в его дочернем полисе – Ольвии Понтийской.

² Далее этот хронологический термин не приводится.

В это время он уже обладал мощным экономическим и культурным потенциалом, считался одним из крупнейших центров античной ойкумены, по определению Геродота, «жемчужиной Ионии» (Herod. V, 28); славился многими достижениями, но главным образом большим количеством колоний на побережьях Понта Эвксинского, Пропонтиды и в других регионах (Strab. XIV, 1, 6). Даже в сочинении римского писателя Плиния Старшего отмечено, что Милет основал более 90 колоний (Plin. NH, V, 112), что является бесспорным свидетельством заслуг этого полиса в истории всего эллинского мира. Благодаря милетским мореходам были значительно расширены его географические рамки, а ионийские земледельцы основали новые города, ставшие на многие века важнейшими торговыми базами для эллинов Средиземноморья, освоили огромные территории, в том числе и целинные [см. подробнее с литературой: Bilabel, 1920; Seibert, 1963; Кобылина, 1965; Graham, 1988; Werner, 1971; Boardman, 1981; Виноградов, 1983; Ehrhardt, 1983 и другие].

Ионийцы на исконной родине, в том числе и милетяне, как до колонизации, так и в колонизационный период пытались установить мирные контакты с соседними восточными государствами ради сохранения своей независимости и личной свободы. Тем не менее, сначала лидийские, а затем и персидские цари постоянно нарушали добрососедские отношения, стремясь расширить свои земли и обогатиться за счет эллинских городов. Так, синхронно с экономическим подъемом ионийских городов, в особенности Милета, прослеживается стремительное возрастание в VII в. до н.э. Лидийского царства, а после его завоевания – Персии. Постепенно восточные цари отвоевывали у эллинов значительные территории и заставляли платить им дань (Herod. I, 27). Однако, если лидийцы не вмешивались в государственную жизнь ионийских полисов [Свенцицкая, 1978, с. 27–32], то совсем иной была политика персов. Они вели опустошительные войны на протяжении многих лет, что в итоге стало одной из важных причин массового переселения эллинов в более отдаленные регионы ойкумены. Разгромив Лидийское царство в 546 г., Ахемениды установили протекторат над Ионией [Herod. I, 153–168; Функ, 1990, с. 4–5, 21–22]. Только Милет после мирного договора с Киром, не подвергся нападению, хотя номинально и был от него зависим. Позже один из известных персофилов милетский тиран Гистизэй с флотом принимал участие в персидском походе Дария против скифов (Herod. IV, 137–139, 141), что, возможно, стало одной из причин того, что ни один из военных отрядов этого царя не был специально направлен для захвата северопонтийских милетских колоний.

Военные действия и постоянная угроза порабощения восточными соседями, – прежде всего лидийцами, а затем более сильными и жестокими персами, – страх и предчувствие потери родины усиливали социальное и психологическое напряжение среди многих граждан Милета, хорошо понимающих, что они не только могут потерять свое благосостояние, но и лишиться цивилизованного образа жизни, если вообще не самой жизни, личной свободы, культурных

достижений, культов исконных богов – покровителей полисов [см. с литературой: Graham, 1988; Кошеленко, Кузнецов, 1990; Русяева, 1986; Русяева, 1998, с. 198–201]. Ведь после ионийского восстания против персидского владычества в 499 г. милетяне многие годы мужественно защищали свой город. Персы осаждали Милет с суши и с моря, сделали подкопы под оборонительными стенами и только на шестой год им удалось его захватить; большую часть мужчин они умертвили, их жен и детей обратили в рабство, а захваченных в плен милетян поселили на побережье Красного моря в городе Ампе у реки Тигр (Herod. VI, 18–21).

Храм Аполлона с его богатой сокровищницей и знаменитое прорицалище в Дидимах также разграбили и предали огню. Из всех ионийцев, восставших против царя Дария, самосцы были единственными, чьи святилища и город не сожгли (Herod. VI, 25); остальные ионийские города со святилищами были преданы огню (Herod. VI, 32). После своей победы и столь жестокого обращения с эллинами, персы в Милетской области заняли разрушенный город и окрестную равнину, а горную местность передали во владение карийцам. “Итак, в Милете теперь уже не было больше милетян”, – констатировал Геродот (Herod. VI, 22), добавив к этому, что вообще «ионийцы в третий раз были обращены в рабство: сначала лидийцами, а затем дважды персами» (Herod. VI, 32).

Из других источников известно, что позже, в 479 г., по велению Ксеркса, флоту которого эллины нанесли сокрушительное поражение близ Милета у мыса Микале, расположенное поблизости Дидимское святилище полностью уничтожили, его жрецов из наследственного рода Бранхидов переселили в Бактрию (Strab. XI, 11, 4; Curt. VII, 5, 28–30; Plut. Mor. 557B; Plin. NH. VI, 18), где были основаны одноименный город и святилище Аполлона Дидимейского, в свою очередь разгромленные войсками Александра Македонского [см. подробнее: Seibert, 1972, S. 144–145; Пичилян, 1991, с. 288–305]. Согласно разным литературным версиям, милетяне считали Бранхидов предателями, поскольку они передали либо продали Ксерксу храмовые сокровища в Дидимах (ср. Strab. XI, 4, 11; Curt. VII, 5, 28–30). Как бы то ни было, но все эти события не могли не наложить неизгладимое впечатление на переселенцев из Милета и их потомков. Судя по отдельным источникам, так или иначе отдельным жителям этого полиса и его округи в период нависшей угрозы все-таки удалось избежать смерти и насильственного переселения в чужеземные регионы. Поселившись в других городах, они сохраняли свое гражданство³.

³ Так, например, в первом списке Афинской архэ об уплате фороса за 454 г. Милет не указан, но отдельно отмечены милетяне из Техиусы и Леры, уплатившие по 0,5 таланта, что свидетельствует об их небольшом количестве, своеобразной этнической замкнутости и малозажиточности; в дальнейшем почти через десять лет после этих сведений в списках зафиксированы вдвое сниженные взносы Милета (5 талантов), что в несколько раз было меньше фороса некоторых других городов [см. с литературой: Meiggs, 1972, p. 188, 561–563]. Отсюда ясно, что еще в 40-е годы 5 в. Милет находился в бедственном положении и не все избежавшие плена милетяне и их потомки сумели возвратиться в родной город.

В таком случае часть из них могла найти убежище и в милетских колониях на Понте среди своих родственников и сограждан. На протяжении второй половины VI в. в Ольвию периодически прибывали новые партии эпойков, в особенности после разорения сельских территорий персами, а затем и подчинения ими всей Ионии, полного разгрома Милета в 494 г. Очевидно, благодаря этому была значительно расширена сельская округа Ольвийского полиса [Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989, с. 22–95].

В общем, переселенцы из Милета и Милетской области, основав и сформировав на протяжении второй – третьей четверти VI в. до н. э. в Нижнем Побужье новый полис, заложили фундамент для сохранения отчих традиций. Как для образования нового полиса на столь значительном расстоянии от метрополии в иной экологической среде и внешнеполитической обстановке, так и для его дальнейшего успешного существования и развития необходимо было опираться прежде всего на единство гражданской общины и близкие к ней другие слои населения. Для создания полноценного полиса, главное ядро которого составлял коллектив свободных граждан, и государственности недостаточно было занять никем не заселенную землю в Нижнем Побужье, что в общем не представляло особого труда, по сравнению с другими областями, где колонисты отвоевывали земли у местных народов либо им приходилось устанавливать особые отношения с ними для основания своих апойкий.

Согласно разнообразным источникам, среди многих милетских колоний на Понте Эвксинском именно Ольвия более всего выделяется тем, что в ней поселились главным образом выходцы из Милетского региона. Прежде всего их объединяло на протяжении веков происхождение из одной метрополии, что в итоге способствовало успешному развитию нового полиса. В связи с этим немаловажное значение имели общая историческая память, родственные связи, неукоснительное сохранение традиций в сфере общекультурного, в особенности религиозного мировоззрения. Приоритетными оставались основные занятия: земледелие, ремесло, рыболовство, торговля, благодаря которым достигалось экономическое самообеспечение. Тем не менее, только известная исполития 20-ых гг. IV в., – то есть по прошествии более двух с половиной веков со времени основания апойки в Нижнем Побужье, – впервые документально засвидетельствовала теснейшие исконные связи милетян и ольвиополитов [Kawerau, Rehm, 1914, № 136; Жебелев, 1953, с. 38–39].

Ольвия была особенно тесно связанной со своей метрополией до ее гибели в 494 г. Первоначально какое-то время она имела название Милетополь (не исключено, что по желанию апойков). Сведения о таком зафиксированы в литературных источниках значительно позже Плинием Старшим (Plin. IV, 82), несомненно хорошо знавшим сочинения древнегреческих авторов и переносившим интересующие его свидетельства в свой труд⁴ [Таронян, 1994, с. 14–15].

⁴ Так, в указателе источников в известном сочинении Плиния Старшего названо 146 римских.

Это подтверждается и тем, что ольвиополиты на раннем этапе исторического развития своего полиса, – даже после смены нескольких поколений, если исходить из начальной даты его основания до приблизительно середины V в., – все еще называли себя милетянами (Herod. IV, 78). Об основании ими Ольвии указывали и более поздние античные авторы (Strab. VII, 3; Pseudo-Scymn. 813–814; Anon. PPE, 86).

В этой связи важно отметить и один из древнейших и редких ольвийских антропонимов – Милесий последней четверти VI в., производный от топонима Милет [Скуднева, 1988, № 162]. Среди известных собственных имен ольвиополитов на протяжении первых веков существования полиса зафиксировано множество имен, аналогичных милетским, и передававшихся из поколения в поколение [Книпович, 1956, с. 127–128]. Наименование ОΛΒΙΝ ΠΟΛΙΣ было присвоено, по всей вероятности, оракулом Аполлона в Дидимах [Русяева, 1986; 1992, с. 41–46; Буркерт, 1990, с. 155–160; Burkert, 1994, р. 49–60] предположительно в третьей четверти VI в. синхронно с учреждением культа Аполлона Дельфиния – верховного бога Милета и с этого времени выступавшего в аналогичной ипостаси и в новообразованном полисе в Нижнем Побужье. Именно освященный Аполлоном в знаменитых в архаическое время Дидимах топоним – не просто Ольвия (ΟΛΒΙΝ, ΟΛΒΙΑ), как у многих городов в античном мире, а с добавлением термина «полис», ставшим обязательным дополнением к названию, вошло навечно и в его демотикон – «ольвиополиты» («счастливые граждане»). Если учитывать, что переселившиеся в Нижнее Побужье из Милета и его округа ионийцы избежали смерти и порабощения, то понятно, почему они и их потомки считали себя «счастливыми», тем более, что такое наименование было предопределено для них богом, избранным к тому же их верховным покровителем и защитником. Возможно, что традиция добавлять к названию ОΛΒΙΝ термин ΠΟΛΙΣ идет от первого более раннего топонима Милетополь.

Исходя из колонизационной практики, согласно которой еще в метрополии формировался основной костяк будущего полиса – гражданская община, то, вне всякого сомнения, на новое место жительства переносилось как можно больше устоявшихся общекультурных традиций. Поскольку в позднеархаическом Милете проживало много образованных инициативных граждан, – ведь именно отсюда происходят первые выдающиеся философы (Фалес, Анаксимен, Анаксимандр), логографы (Кадм и Гекатей), строители первых храмов и монументальных алтарей, мастера огромного количества разнообразных типов архитектурной полихромной терракоты, скульпторы, изваявшие множество мраморных статуй и рельефов, создатели и строители морских кораблей и отважные мореходы, проникавшие в самые отдаленные регионы ойкумены, – то отдельные из них или их сыновья становились организаторами и предводителями определенных партий колонистов – ойкистами.

327 греческих и некоторых других авторов – от Гомера до его современников [см. Таронян, 1994, с. 14].

Причем, их большинство, в особенности первооснователи известных полисов, происходило из родовой аристократии, в том числе ведущей свое происхождение от богов и царей. По данным античной литературной и легендарной традиции известны имена ойкистов многих, основанных эллинами в разных местностях конкретных городов: они действительно свидетельствуют об их принадлежности к аристократии либо знатному происхождению; имена носят аристократический характер; нередко устанавливался культ ойкиста, его героизация с жертвоприношениями и другими религиозными ритуалами вокруг могилы; потомки ойкистов во многих полисах имели соответствующие привилегии и граждане способствовали их процветанию [Gracham, 1988, p. 25–29; Курбатов, 1993, с. 3–19]. Имеются, к сожалению, лишь косвенные данные, что из метрополии ольвиополиты унаследовали традиции героизации ойкиста.

Поскольку предводитель партии колонистов прежде, чем отправиться в дальнее плавание для основания полиса и постоянной жизни в нем, обязан был обратиться за советом к оракулу Аполлона в Дидимах, если он принадлежал к милетянам, либо – в Дельфах, то этим самым как бы наделялся божественной властью и находился под непосредственной защитой Аполлона, который и сам чаще всего выступал в роли сакрального ойкиста (архегета). Так, милетяне рассказывали разные легенды и предания о первых ойкистах своего города. Первоначальное его основание восходит к позднему крито-микенскому периоду, когда на землю карийцев якобы прибыл из Крита легендарный Милет с войском и основал поселение, названное по его имени (Paus. VII, 2, 3). Его история как одного из древнейших ионийских городов на территории Малой Азии более известна с XI в. до н. э., когда произошло переселение ионийцев из Афин (Herod. I, 142–146; Strab. XIV, I, 6; Paus. VII, 2, 1–3). По данным древних авторов, Милет был захвачен путем жестокого убийства карийцев Нелеем, сыном афинского царя Кодра, вместе с Филистом, сыном Пасикла, основавшим святилище Деметры Элевсинской у мыса Микале (Herod. I, 146; IX, 97). «Славным Нелеевым градом» называл этот город Теокрит (Theocr. Idill. XXVIII, 3). Еще во времена Павсания существовала могила Нелея возле священной дороги, ведущей в Дидимы (Paus. VII, 2, 3). Таким образом, милетяне длительный период помнили истоки происхождения своего города и имя его основателя [см. подробнее: Ehrhardt, 1983, S. 182–183].

В античной литературной традиции не сохранилось достоверных сведений о прямых потомках Нелея, хотя аналогичный антропоним известен в разных эллинских городах. Однако имеются упоминания о его брате Андрокле, основавшем Эфес, ставшем столицей всех ионийцев, где его потомков много веков спустя называли царями, имевшими право носить пурпурные одежды и жезлы и занимать первое место на агонах и на празднике в честь Деметры Элевсинской (Strab. XIV, I, 3)⁵. Если в архаическое время никто из милетских

⁵ Здесь уместно вспомнить, что среди эллинов славились именно милетские пурпурные одежды, в частности гиматии, и высококачественные шерстяные изделия (Theocrit. XV, 126; Athen. XII, 519).

аристократов и не возводил свою родословную к Нелеидам или Кодридам, они тем не менее совместно с эфесцами принимали участие в праздниках Деметры Элевсинской у мыса Микале поблизости от Милета, тем более, что ее святилище было основано ближайшим соратником Нелея⁶.

В таком случае вряд ли милетские апойки в любой из колоний игнорировали бы роль своего ойкиста, предав его имя полному забвению. Поэтому учитывая культурно-религиозную близость с метрополией, хотя и при отсутствии каких-либо письменных свидетельств об основателе Ольвии и о том, как к нему и его потомкам относились ольвиополиты, можно все-таки предполагать наличие его культа. На основании многовекового сохранения в ольвийской антропонимии неординарного имени Евресибий, большой роли аристократического рода Евресибиадов в политической, культурной и религиозной деятельности на протяжении почти всей античной эпохи предложена гипотеза, что такое имя первоначально принадлежало какому-то историческому либо мифологическому герою, в соответствии с чем в Ольвии могли учредить культ ΗΡΩΣ ΑΡΧΗΓΕΤΗΣ [ср. Белецкий, 1955, с. 181–183, 190; Русяева, 1992, с. 185–191, 206; Диатроптов, 2001, с. 36].

По аналогии с метрополией, не исключено, что его могила длительный период была объектом поклонения. В такой же степени сугубо гипотетически можно считать, что найденные на некрополе в перемещенном состоянии две идентичные монументальные мраморные скульптуры лежащих львов милетского скульптора середины – третьей четверти VI в. [Strocka, 1979, S. 169–171; Русяева, 1987, с. 159–160] служили сакральными хранителями могилы первого основателя Ольвии, благодаря чему они сравнительно хорошо сохранились. Несомненно, что традиция надгробных и культовых апотропеев в виде скульптур львов была перенесена в Ольвию из Милета, где они использовались как для погребальных комплексов, так и охраны дорог на некрополе, а также ведущих к храмам Аполлона. Она просуществовала в Ольвии длительный период, по отдельным обломкам скульптур львов прослеживается еще и в первые века новой эры.

Избранная для основания города местность в Нижнем Побужье была во всех отношениях рационально продумана, что, бесспорно, являлось заслугой ойкиста и его помощников. По своему плану занятая Ольвией почти треугольной формы территория, ограниченная лиманом и балками, по всей вероятности, в древности была близка к плану Милета, хотя имела и ряд отличий:

⁶ Между Милетом и Эфесом существовали древнейшие религиозные связи, нашедшие отражение хотя бы в том, что главным богом первого был Аполлон, а второго – его божественная сестра Артемида. Очевидно, не случайно культ Артемиды Эфесской в той или иной степени зафиксирован во многих северопонтийских апойкиях, что дает основание предполагать как участие эфесцев в колонизации, так и наличие среди понтийских эллинов почитателей этой богини, святилище которой было широко известно в античном мире [см. подробнее с литературой и ср.: Vinogradov, 1997, S. 78; Ehrhardt, 1983, S. 153–155; Русяева, 1992, с. 106; Кутайсов, 2004, с. 85, 141].

вследствие значительного разрушения прибрежной части не установлено достоверно, какую именно конфигурацию она имела и сколько бухт здесь находилось (см. с литературой: Леви, 1985, с. 14–15). Отдельными элементами она несколько сходна и с общей топографией Милета, расположенного на холмистом полуострове в устье Меандра – самой большой реки в Малой Азии, протекавшей по долине с плодородными полями и пастбищами, вдоль ее берегов тянулись торговые пути к Тигру и Евфрату. Очевидно, наличие морского и речного пути вглубь никем в то время не заселенных и столь же плодородных степных просторов имело немаловажное значение и при выборе места для нового полиса. Милетяне основали его на небольшом расстоянии от моря – на правом берегу Гипаниса – почти в его устье, сливавшемся с широким устьем Борисфена. Напротив Ольвии хорошо просматривался мыс Гипполая со святилищем Деметры, по всей вероятности, совместного с Посейдоном. В определенной степени в этом можно также видеть сходство, поскольку на мысу Микале близ Милета были святилища Посейдона Геликонского и Деметры Элевсинской.

Коренное ядро города (совр. Верхний город) было устроено на возвышенности по отношению к прибрежной низменной части (совр. Нижний город), где в древности могла быть не одна удобная бухта. В связи с такой топографией в Ольвии, как и в Милете, большое значение придавалось террасной застройке. Как античные авторы, так и современные исследователи Милета всегда отмечали значительную роль естественных источников пресной воды в хозяйственной и религиозной жизни его граждан. Для нас особенно интересно, что именно в метрополии был создан культ источников во взаимосвязи с нимфами; наиболее известные носили имена Библис и Ахилла с древнейших времен (Athen. II, 43; Paus. VII, 5, 10). Исходя из переноса милетянами культа Ахилла не только на остров Левке, но и в разные местности в Нижнем Побужье, в том числе и в Ольвию, естественно думать, что один из ольвийских родников также назывался именем этого обожествленного героя. Культ нимф, в том числе и матери Ахилла Фетиды, подтверждается многими материалами на протяжении почти всей античной эпохи [Русяева, 1992, с. 139]. Бесспорно, что источники пресной воды, сохранившиеся до наших дней, служили главным объектом и стимулом проведения веселых праздников в их честь на побережьях Гипаниса. При этом следует отметить, что здесь не проявилось слепое подражание и точное копирование. Иные экологические условия и природная среда требовали в каждом отдельном случае творческих усилий для решения вопросов как можно лучшего и надежного устройства на чужой земле.

Для большей ясности необходимо хотя бы кратко представить и другие уже неоднократно изучавшиеся материалы, свидетельствующие о сходстве обычаев и подражаний, о несомненно теснейших культурных связях Ольвии и Милета еще до его персидского разгрома, после чего на какое-то время они были прекращены. Благодаря многим эпиграфическим памятникам известно, что в религиозном мировоззрении и вообще в сфере культурной жизни

ольвиополитов на протяжении веков сохранялись милетские традиции (прямой перенос главных культов богов и героев, календаря, проведение общеполитских календарно-религиозных празднеств, организация аристократических сакральных союзов и, соответственно, выделение в гражданской общине аристократических родов, из представителей которых чаще всего избирались жрецы-эпонимы). Из метрополии были вынесены не только ионийский диалект в его милетском варианте, алфавит, палеография, антропонимия, основы образования, по всей вероятности, мифологического и литературного творчества; на протяжении веков продолжалось увлечение и изучение знаменитых эпосов Гомера и, в частности, возвеличивание его главного героя Ахилла⁷ [см. подробнее с литературой: Виноградов, 1969; 1979; 1989; Виноградов, Русяева, 1980; Ehrhardt, 1983; Русяева, 1986; 1986а; 1992; 1999; Dubois, 1996; Русяева, Одрин, 2001].

Прежде всего следует еще раз подчеркнуть важнейшее событие в духовной культуре ольвиополитов, связанное с введением культа Аполлона Дельфиния – верховного бога Ольвийского полиса, идентичного милетскому, и только здесь в этой ипостаси сменившего Аполлона Иетроса [Русяева, 1986; Буркерт, 1990]. Дельфинион являлся важнейшим теменосом и главным политским культовым центром Милета, в котором почитался Аполлон Дельфиний как владыка, защитник и верховный бог [Kawerau, Rehm, 1914, № 134; Ehrhardt, 1983, S. 132; Weber, 2006, S. 348–351]. В его честь устраивали праздники с песнопениями и ежегодными сакральными процессиями по священной дороге, проложенной от Дельфиниона в Дидимейон, где проводились специальные обряды с жертвоприношениями и либациями [Essen, 1947; Günther, 1971].

В Ольвии святилище Аполлона Дельфиния в Восточном теменосе также на протяжении многих веков являлось главным общеполитским религиозным центром [Карасев, 1964; Леви, 1985; Русяева, 1992; Крыжицкий, 1993] и во многом было сходно с милетским [см. с литературой: Древнейший теменос..., 2006, с. 254–255]. Сходство прослеживается прежде всего в том, что Дельфинион в Милете и святилище Аполлона Дельфиния в Ольвии представляли собой огороженный теменос, где главное место занимал монументальный алтарь (bomos) прямоугольной формы для ритуальных возлияний, и в ограде которого почитались Зевс и Артемида.

Копирование милетского культа Аполлона Дельфиния в Ольвии проис-

⁷ Общеизвестно, что Гомер – «поэт, который воспитал Элладу, и ради благоустройства и развития человеческих дел, стоит того, чтобы перечитывать его стихи на память и по тем правилам строить всю свою жизнь» (Plato. Leg. X, 606 e – пер. В. Н. Карлова). Судя по многим источникам, Ольвия по праву может входить в число тех полисов, в которых эллины даже по прошествии многих веков в римский период столь высоко чтити и даже обожествляли Гомера, наряду с Ахиллом, хорошо знали “Илиаду”, отрывки из которой для поднятия мужества у воинов читали наизусть перед боем с варварами, часто нападавшими на город и его окрестности (Dion. Chrysost. Orat. XXXVI).

ходило первоначально благодаря деятельности аристократического сакрального союза мольпов. Вполне вероятно, что синхронно с введением этого бога в ипостаси не только владыки нового полиса в Нижнем Побужье, но и миротворца граждан, произошло создание такого союза, игравшего большую роль как конкретно в организации культа их главного патрона в Милете, так в общем и в культурно-политической деятельности, что прослеживается наиболее ярко в V в. пока лишь в Ольвии и ни в одной другой из милетско-понтийских колоний [см. подробнее с литературой: Graf, 1974; 1979; Карышковский, 1984; Яйленко, 1987; Русяева, 1992].

Как и в метрополии, во главе его стоял общегородской эпоним – айсимнет. Большинство членов этого сакрального объединения принадлежало к наиболее богатым и влиятельным слоям населения. Именно благодаря мольпам в раннеклассическое время впервые появились мраморные статуи и стелы с посвятельными надписями мольпов Аполлону Дельфинию, которые устанавливались в его святилище в Восточном теменосе. Поэтому ничто не препятствует предполагать, что ритуалы в культе этого бога в Ольвии были также сходны с милетскими.

Одним из главных свидетельств такого сходства является календарь, названия месяцев которого полностью совпадают с милетским [Виноградов, Русяева, 1980; Русяева, 2003]. Первого числа каждого месяца, называвшегося у эллинов “новолунием”, вследствие чего Аполлон именовался Нумеином, производился ритуал его чествования возлияниями вином и проведением сакральных трапез. Благодаря граффити на чернолаковых чашах из его святилища стало известно, что в Ольвии существовал сакральный союз нумениастов [Леви, 1964, с. 140 сл.]. При этом следует отметить вполне вероятное сходство аполлоновского праздника Таргелии, проводившегося в месяце таргелионе в Милете [Nilsson, 1906, S. 158–159] и Ольвии, исходя из эпиклезы Аполлона Таргелий, зафиксированной посвятельным граффито [Виноградов, Русяева, 1980, с. 32–33]. Это был весенний праздник плодородия, очищения города и его жителей от всякой скверны и молитв о будущем урожае. Видимо поэтому ольвиополиты именовали Аполлона Таргелием. Поскольку в Милете был издан устав мольпов, предписывавший полису давать им на Таргелии взрослую овцу для жертвоприношений [Kawerau, Rehm, 1914, № 133], то не исключено, что ольвийские мольпы следовали таким же сакральным установлениям. Не исключено, что в Ольвии проводился также упомянутый в этом документе праздник Гебдомаия седьмого числа, традиционно считавшегося днем рождения Аполлона. Совместно с культом этого бога из Милета в Ольвию были перенесены культы Артемиды Дельфинии, Зевса и Афины, а также многие другие культы божеств и, соответственно, связанные с ними главные календарные праздники и ритуалы [см. подробнее с литературой и ср.: Nilsson, 1906, S. 27, 74–76, 109–113, 178, 242, 267–269; Bilabel, 1920; Luria, 1928; Виноградов, Русяева, 1980; Ehrhardt, 1983; Русяева, 1992; 1999].

Милет в период своего расцвета оказывал не только духовное влияние на ольвиополитов, считавших себя к тому же и милетянами, но и способствовал экономическому подъему дочернего полиса несмотря на огромные расстояния. При этом для сравнения можно привести некоторые данные из истории изучения Истрии. Немногочисленные, но конкретные эпиграфические, нумизматические и археологические источники свидетельствуют о том, что между двумя сестринскими полисами – Ольвией и Истрией существовали политические, экономические и культурные, в частности, религиозные взаимоотношения [Rusjaeva, Vinogradov, 2000, S. 229–234]. Несмотря на то, что Ольвия была основана позже Истрии, она сумела достаточно быстро создать самостоятельную экономическую базу, ставшую основой ее полной политической независимости и по сути первого значительного подъема полиса во второй половине VI – первой четверти V в. до н. э. [Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989; Крыжицкий, Лейпунская, 1999]. Однако наиболее интересное заключается в том, что приблизительно этот же промежуток времени в истории Истрии определен как *goldenes Zeitalter* (“золотой век”) [Alexandrescu, 1990, S. 56–62]. Если в общем за главный критерий брать те же материалы, послужившие основой для такой дефиниции для одного из ранних этапов исторического развития Истрийского полиса, то «золотой век» тем более был характерен для истории позднеархаической Ольвии.

Это прежде всего наличие большого количества погребальных комплексов с дорогим инвентарем, в том числе золотыми украшениями, редкими для того времени бронзовыми зеркалами и оружием, множеством чернофигурных сосудов, что в общем было присуще только для ольвийского некрополя, не имеющего сходства ни с одним из некрополей этого времени в Причерноморье, несмотря даже на разграбления многих могил как в античную эпоху, так и в наше время [Скуднова, 1988]. К этому можно добавить и дорогие привозные, преимущественно из Милета, надгробные мраморные статуи и стелы, хотя и сохранившиеся фрагментарно, но дающие представление о качестве сравнительно редких, а в единичных случаях и уникальных памятников (например, стела Леокса, сына Мольпагора), которые пока найдены в Ольвии [см. с литературой: Русяева, 1987]. Среди них особого внимания заслуживают вышеупомянутые монументальные скульптуры львов, абсолютно идентичные милетским и, бесспорно, изваянные милетскими скульпторами специально для импорта в Ольвию. Как и в Милете, они предназначались для надгробных и сакральных апотропеев [ср. Philipp, 1981, S. 150].

Экономический потенциал нашел здесь отражение в строительстве первых храмов и алтарей с таким красочным архитектурным декором, который сейчас по количеству и разнообразию деталей и форм даже превосходит находки в Милете; значительно меньше аналогичной архитектурной полихромной терракоты найдено и в Истрии [ср. Русяева, 1988, с. 33–51; Крыжицкий, Русяева, Назарчук, 2005, с. 5–38; Древнейший теменос, 2006, с. 100–114;

Zimmermann, 2008, S. 631–636]. Вне всякого сомнения, многочисленные архитектурные терракотовые детали являются неоспоримым свидетельством культурно-экономических связей Ольвии с Милетом в VI в., однако только до его шестилетней осады, а затем и полного разгрома персами в 494 г., после чего производство и импорт подобного архитектурного декора были окончательно прекращены и не возобновлены даже в период возрождения метрополии. Косвенным образом это указывает на то, что при разрушении Милета изготовители этих архитектурных деталей погибли либо, как и многие жители, обращены в рабство и переселены в разные местности, подвластные персам.

Как бы то ни было, но их находки в Ольвии служат также своеобразным хронологическим репером для определения начала строительства культовых сооружений, которые, естественно, еще существовали и в классическое время, а уцелевшие и хорошо сохранившиеся отдельные детали могли применяться и в дальнейшем после разрушения первоначальных храмов и алтарей [Крыжицкий, Русяева, Назарчук, 2005, с. 28–29]. Если это так, то традиция архаического полихромного терракотового декора в архитектуре Ольвии просуществовала дольше, чем в Милете. Возможно поэтому его обломки найдены как в Западном теменосе, так и в юго-восточном районе города в большом количестве в разновременных слоях и ботросах только в изношенном виде. Наличие разнообразных типов этой терракоты является одним из главных показателей, что ольвиополиты уже на раннем этапе существования полиса стремились к эстетическим приемам при сооружении сакральных и общественных сооружений, предназначенных для усовершенствования его городского облика.

Именно на основании изучения архитектурной терракоты было отмечено, что крайне незначительное число обломков небольших деталей V в., по сравнению с вышерассмотренными, причем преимущественно коринфского производства, может объясняться тем, что в классическое время новое монументальное строительство велось в весьма ограниченных масштабах, что косвенно может свидетельствовать о каких-то проблемах в развитии Ольвийского полиса [Там же, с. 28]. Таким образом, исходя из многих данных ясно, что гибель метрополии нанесла определенный урон и ольвиополитам, лишившимся главного импортера и экспортера, а во многих случаях и экономической помощи, очевидно, идущей от богатых и знатных родственников и сограждан процветающего в то время Милета.

Скорее всего, ольвиополиты хорошо знали о разрушении родного города и его святынь непосредственно от переселившихся сюда милетян, каких-то групп ионийцев, бежавших от персидского порабощения, а также афинских торговцев. Не исключено, что хотя бы в устной передаче им стало известно содержание единственной в древнегреческой драматургии в таком жанре и не сохранившейся исторической трагедии афинского драматурга Фриниха “Взятие Милета”. Согласно Геродоту, когда он поставил ее на сцене

в Афинах, то все зрители плакали; Фриних за напоминание о несчастьях милетян был оштрафован на 1000 драхм, а ее постановка где-либо была вообще запрещена (Herod., VI, 21), поскольку в ней явно недвусмысленно звучало обвинение афинянам, отказавшимся помочь Милету в войне с персами. Однако то, что ольвиополиты продолжали считать себя милетянами и после этих событий, может быть свидетельством сохранения памяти о происхождении своих предков из знаменитого города и соответственно его традиций.

Самым важным документом о теснейшей взаимосвязи Ольвии и Милета даже по прошествии более двух с половиной веков, – в начальный период эллинизма, – вне всяких сомнений, является давно известный специальный государственный договор об исополитии, отдельные клаузулы которого могут относиться и к более раннему времени, о чем недвусмысленно отмечено в данном письменном документе [Kawerau, Rehm, 1914, № 136; Syll.³, 286; Жебелев, 1953, с. 39; Gawantka, 1975, S. 99; Ehrhardt, 1983, S. 235–237; 1987, S. 115; Виноградов, 1989, с. 69, 73, 169]. Для большего понимания сохранения ольвиополитами традиций, вынесенных из метрополии, следует представить здесь его полный текст, поскольку в нем четко отражены конкретные положения взаимоотношений между Милетом и Ольвией.

При раскопках главного милетского святилища Дельфиниона в 1903 г. во вторичном использовании в вымостке была найдена мраморная плита с перевернутой вниз надписью: «Ниже следуют отеческие установления для ольвиополитов и милетян. Милетянин в городе Ольвии приносит жертвы как ольвиополит на тех же самых алтарях и имеет доступ в те же самые святилища, на тех же основаниях, что и ольвиополиты. Милетяне пользуются ателиями на тех же основаниях, как они пользовались и ранее. Если милетянин желает отправлять (в Ольвии) государственные должности, ему надлежит обратиться в совет; когда он будет зарегистрирован, он может отправлять эти должности и тогда должен, наряду с прочими (ольвийскими) гражданами, платить подати и пр. Он имеет право на проедрию, принимать участие в состязаниях, возносить молитвы в поминальные дни на тех же основаниях, как он делает это в Милете. Если у милетянина будет тяжба в Ольвии, он должен иметь доступ к суду, и его дело должно разбираться в пятидневный срок в том отделении суда, которому подведомственны дела между гражданами. Все милетяне должны пользоваться ателиями, за исключением тех, которые имеют право гражданства в другом городе, участвуют в его правительстве и в его судебных установлениях. Точно так же и ольвиополиты должны в Милете пользоваться ателиями, и вообще они имеют в Милете таким же образом те права, какие милетяне имеют в городе Ольвии» [по: Жебелев, 1953, с. 38–39].

Как следует из текста, этот договор содержит достаточно много разного типа установлений, чем он на самом деле отличается от почти синхронных договоров Милета с другими городами [Kawerau, Rehm, 1914, № 135, 137, 142; ISM, I, 62]. Вследствие этого вряд ли следует относить его всего лишь к одно-

му из соглашений в целой серии подобных, заключенных в те же годы метрополией со своими апойкиями, из которых в эпиграфических источниках зафиксированы, кроме Ольвии, только Кизик и Истрия, а среди иных городов известны Сарды и Фигела [ср. Жебелев, 1953, с. 41; Ehrhardt, 1987; Виноградов, 1989, с. 169].

До настоящего времени ученые не пришли к единому мнению об инициаторе милетско-ольвийского договора и его датировке. Согласно Ю.Г. Виноградову, недоказуемой является оригинальная гипотеза А. Штефан относительно того, что инициировал подобные документы влиятельный в то время лидер, а именно: Антигон Одноглазый путем заключения договоров об исополитии понтийских колоний с преданным ему Милетом стремился осуществить свое политическое влияние на них (Виноградов, 1989, с. 169, прим. 110), хотя его деятельность в данном направлении не засвидетельствована конкретными источниками. Более всего ученые склонны приписывать инициативу Милету, в особенности в его политической взаимосвязи с Ольвией. Единодушно при этом признается, что и в метрополии, и в дочернем полисе была демократия; акцентируется внимание на изменении политического строя в Милете, где произошла реставрация демократии, что дало возможность его гражданской общине наладить более тесные всесторонние отношения с бывшей колонией в Нижнем Побужье [ср. Жебелев, 1953, с. 40, 47; Виноградов, 1989, с. 169–170].

В свою очередь, такая же власть в Ольвии в итоге способствовала восстановлению между ними древнейших связей, заложенных еще в период ее основания, но прерванных после гибели материнского города. По мнению П.О. Карышковского, в условиях политического возвышения Ольвии, отразившей нападение Зопириона и, соответственно, Александра, было принято или возобновлено соглашение об исополитии с Милетом [Карышковский, 1956, с. 169–171]. Не исключается и другими исследователями роль ольвиополитов, стремившихся установить добрые отношения с Александром Македонским после осады их города Зопирионом и его трагической гибели [см. литературу: Виноградов, 1989, с. 169, прим. 112]. Исходя из того, что надпись найдена в милетском Дельфинионе и в начальной строке на первом месте стоит демотикон «ольвиополиты», которым как будто подчеркивается, что в первую очередь они должны исполнять и соблюдать все перечисленные установления, очевидно, прав С.А. Жебелев относительно Милета как инициатора договора об исополитии независимо от того, являлась она повторной или же была зафиксирована впервые [Жебелев, 1953, с. 39–40]. Действительно, экономический подъем Ольвии и территориальное расширение сельской округи не могли не заинтересовать милетян, которые после осады их города македонской армией, по всей вероятности, испытывали потребности в хлебе и увеличении торговых связей с понтийскими колониями, в первую очередь с Ольвией, а затем и с Истрией. Вместе с тем нельзя игнорировать и гипотезу Ю.Г. Виноградова, что перемены в образе правления родственных полисов способствовали тому, что «обе договаривающиеся стороны, хотя и по разным причинам

и независимо друг от друга, но все-таки одновременно повернувшие свой политический курс, при этом в одном направлении, постарались тут же пересмотреть свои международные отношения, подтвердив исополитию и прежде существовавшую между обеими общинами» [Виноградов, 1989, с. 170].

Сложнее с выяснением точной датировки надписи, хотя в большинстве все они не выходят за рамки последней трети IV в. Из предложенных учеными можно выделить следующие: 334–323 гг. до н.э. – время Александра Македонского, повлиявшего на политическое и культурное развитие Милета [Kawerau, Rehm, 1914, № 136]; в один из ближайших годов после осады Ольвии Зопирионом в 331 г. [Жебелев, 1953, с. 47]; в какие-то годы IV в. [Gawantka, 1975, S. 99]; на протяжении более десятилетия в 325–311 гг. [Ehrhardt, 1987, S. 115–116]; между 329/8 г. и 323 г., но скорее всего, в 329/8 г. или вскоре после этого года, но, бесспорно, уже после смерти Зопириона [Виноградов, 1989, с. 169, прим. 107]. В общем, как бы то ни было, но для определения абсолютной даты пока не имеется никаких достоверных источников. В данном случае, исходя из разных сведений, можно только предполагать, что представленный выше текст договора между Милетом и Ольвией об исополитии был возобновлен с уточнениями и дополнениями в соответствии со значительными изменениями в каждом из них во внешне- и внутриполитической обстановке: с одной стороны, после освобождения Милета от персов в 332 г. и восстановления в нем демократического строя, а с другой, после смерти Зопириона – полководца Александра Македонского, подвергшего осаде Ольвию около 331 г., и начала быстрого экономического расцвета – то есть приблизительно в течение 20-х годов IV в.

Если в период основания Ольвии официальные договора вряд ли заключались, поскольку были сильны еще родственные связи между уехавшими в поисках нового места жительства преимущественно молодыми людьми и оставшимися на родине их семьями, то в сформировавшемся полисе в третьей четверти VI в. при наличии определенного коллектива граждан могли возникнуть ситуации, когда необходимо было и в Милете, и в Ольвии упорядочить их права и взаимоотношения. Вряд ли милетяне, не имеющие особых интересов в Ольвии, предпринимали бы столь рискованные морские поездки в далекий северный город, расположенный по соседству с воинственными варварами, если бы ранее они или их родственники не занимали в нем какие-то должности магистратов и не имели доходов, а также каким-то образом не были оговорены дальнейшие взаимоотношения между ними. Поэтому резонно считается, что первый договор между ольвиополитами и милетянами был заключен, когда Милет не был подвластен персам в V в. или даже несколько раньше – еще до 494 г. [ср. Жебелев, 1953, с. 39; Gracham, 1988, 105–107; Виноградов, 1989, с. 69, 169; Ehrhardt, 1983, S. 235–237]. Совершенно с иных позиций предложил рассматривать этот вопрос исследователь взаимоотношений метрополий с апойкиями Я. Зайберт: наиболее ранние установления о жертвоприно-

шениях и ателиях он склонен датировать последней четвертью V в., а все остальные – серединой IV в. [Seibert, 1963, S. 179–191].

Многие вопросы, относящиеся к этой надписи, в особенности касающиеся политических и торговых связей Милета и Ольвии, неоднократно рассматривались разными авторами, высказавшими ряд интересных суждений [см. и ср. Kawerau, Rehm, 1914, № 136; Syll.³, 286; Жебелев, 1953, с. 38–47; Seibert, 1963, S. 179–191; Graham, 1988, p. 99–107; Gawantka, 1975, S. 99; Ehrhardt, 1983, S. 235–237; 1987; Виноградов, 1989, с. 69, 73, 169 и другие]. Поэтому в аспекте нашей темы наибольшее значение имеют такие понятия, как «исконные (отеческие) установления для ольвиополитов и милетян» (*táde pátria Olbiopolitais kai Milesiois*), обоюдные жертвоприношения на тех же самых алтарях и доступ в те же самые святилища, одинаковые права на проезд и участие в состязаниях, а также вознесение молитв в поминальные дни. Именно они в наибольшей мере отражают традиции в культурно-религиозной жизни ольвиополитов и дают возможность констатировать, что во всяком случае и в раннеэллинистическое время была предпринята радикальная политическая мера для подтверждения исконных установлений. Как раз указание уже в самом начале документа на их соблюдение свидетельствует, по мнению исследователей, что подобного типа договор существовал между Милетом и Ольвией во второй половине VI в., если не в период основания этой дочерней апойки в Нижнем Побужье [ср. Жебелев, 1953, с. 38; Виноградов, 1989, с. 69, 73].

Как отмечено выше, наиболее интенсивные милетско-ольвийские политические, экономические и религиозные связи действительно уже существовали в позднеархаическое время, о чем свидетельствует и ряд данных о прямом переносе календаря и культа Аполлона Дельфиния, а в соответствии с ним организации союза мольпов во главе с айсимнетом, выступавшим в роли эпонима, одинаковой форме исполнения ритуалов и жертвоприношений в аналогичные календарные дни как в святилище главного бога, так и в святилищах других богов, почитавшихся и милетянами, и ольвиополитами.

На самом ли деле ольвиополиты столь длительный период помнили, откуда пришли на землю их предки, и какие именно факторы могли способствовать сохранению исконных традиций метрополии? Как известно из разных источников, одной из важнейших черт эллинской колонизационной практики было право возвращения колониста в метрополию по его желанию либо по какой-либо другой причине и восстановление гражданства [Колобова, 1951, с. 167; Яйленко, 1982, с. 100, 107, 245; Виноградов, 1989, с. 70–72]. Более всего это касалось эпойков (вторичных колонистов), которые зачастую в уже основанном полисе первопоселенцами, имевшими все права свободных граждан, причисляемых к тому же к аристократии, и захватившими лучшие участки земли как на территории города, так и в ближайшей к нему округе, нередко ущемлялись в своих политических правах и социальных привилегиях, считались своего рода «второсортными» гражданами. В таком случае возникает

вопрос: могли ли переселившиеся в Нижнее Побужье ионийцы или их потомки возвращаться в родной полис, особенно в чрезвычайных ситуациях?

В данном контексте обращает внимание относительная синхронность, вполне вероятно, двух очень важных и в определенной степени взаимосвязанных между собой событий: с одной стороны – восстановление Милета, начиная с 479 г. благодаря победе эллинов над персами у мыса Микале поблизости от этого города; а с другой – практически оставленные жителями поселения в сельской округе Ольвии, за исключением ближайших к городу, в конце первой трети V в., что не могло не повлечь и уменьшение населения на всей подвластной полису территории [Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989]. Исходя из этого, представляется возможным предполагать, что какая-то часть нижебугских эллинов переехала на родину своих предков для непосредственного участия в строительных работах в Милете и в возрождении его хоры, тем более, если после его разгрома персами в 494 г. «не было больше милетян» (Herod., VI, 22). Главным стимулом их оттока в метрополию мог послужить не только духовный порыв восстановить родной город, но и угроза скифских кочевников, из-за которой, по мнению одних исследователей, сельские жители укрылись в Ольвии, по мнению других, в ее предместье⁸. Тем не менее ни одно из них пока достоверно не подтверждается. Согласно данным археологических исследований, в пределах собственно Ольвии, ограниченной территориально лиманом и балками, и в прилегающем к ней с запада предместье вряд ли беспрепятственно расселилось бы все население из поселений хоры и частично Борисфена; соответственно в городе V в. не прослеживается особое увеличение строительства больших жилых домов, а также общественных и сакральных монументальных сооружений [см. подробнее с литературой: Крыжицкий, 1993; Крыжицкий, Лейпунская, 1999, с. 98–110].

Поэтому можно предполагать, что в несколько замедленном экономическом и культурном развитии Ольвии классического времени, по сравнению как с предыдущим, так и с последующим периодами, сказались не только потеря хоры, но в определенной степени восстановление Милета, когда, по всей вероятности, какая-то часть не только сельского, но и городского населения отправилась на помощь своим уцелевшим соотечественникам. Сравнительно быстрое, хотя еще далеко не полное, возрождение Милета могло произойти только при наличии большого количества рабочей силы, прибывшей из разных мест античной ойкумены, поскольку в разрушенном городе коренных жителей, как уже отмечалось, не осталось (Herod., VI, 22).

Кроме того, обращает внимание тот факт, что до сих пор остается окончательно не выясненной причина исчезновения в Ольвии аналогичного милетскому

⁸ В такой же степени это касается и иных полисов в Причерноморье, сельские поселения которых также почти синхронно были оставлены его жителями. Относительно причин таких ситуаций высказано немало разных взглядов и гипотез, рассмотрение которых не входит в задачу этой статьи.

сакрального союза мольпов, наиболее активная деятельность которого зафиксирована здесь фрагментарно сохранившимися посвящениями Аполлону Дельфинию на мраморных постаментах статуй и на отдельных плитах преимущественно только во второй – третьей четвертях V в.⁹ [НО, 55, 56, 58, 167; Graf, 1974, S. 208–215; Виноградов, Русяева, 1980, с. 28–29, 53; Ehrhardt, 1983: Indices; Карышковский, 1984, с. 42–51; Русяева, 1992, с. 193–195]. Как отмечено выше, они играли большую роль в религиозных празднествах верховного бога, а вместе с этим в культурно-политической жизни метрополии и, соответственно, в ее дочернем полисе.

Однако, если айсимнеты мольпов в Милете длительный период избирались эпонимами, то в Ольвии они были таковыми сравнительно непродолжительное время. Предлагались разные гипотезы относительно причин прекращения их деятельности. Основная из них заключалась в установлении демократического строя в Ольвии в начале IV в., когда якобы поддерживавшие тиранию мольпы, имевшие аристократическое происхождение, вынуждены были либо прекратить свою деятельность, либо вообще покинуть город, поскольку их посвящения Аполлону Дельфинию сменяются индивидуальными посвящениями жрецов его святилища, к которым перешли и функции эпонимов [ср. Карышковский, 1984, с. 49; Виноградов, 1989, с. 112–115].

Тем не менее при решении этого вопроса не учитывалось, что и после окончательной победы демократии в начале IV в. аристократическая прослойка гражданской общины продолжала играть значительную роль во всех сферах жизни Ольвийского полиса. При этом вполне возможно, что на очень короткое время она была установлена значительно раньше – в период посещения понтийских городов афинским флотом под командованием Перикла в 437 г. [Анохин, Русяева, 1999, с. 358–360]. Поскольку незадолго перед этим в 440 г. при помощи афинян в Милете была свергнута олигархия и установлен демократический строй, то не исключено, что идеи народовластия проникали в Ольвию не только из Афин, с которыми политические, экономические и культурные отношения находились на самом высоком уровне, но и из восстанавливающейся, хотя и замедленными темпами, метрополии. Несмотря на все периодически сменяющиеся виды государственного строя в Милете (тирания, олигархия, демократия: каждый с разнообразными оттенками и проявлениями) аристократическая коллегия мольпов не подвергалась остракизму, в отличие от проявляющих свое недовольство отдельных граждан. Начиная с 525 г., судя по спискам эпонимов, айсимнеты мольпов на протяжении веков осуществляли эти должности, что в определенной степени свидетельствует о том, что

⁹ По мнению В.П. Яйленко, большинство посвящений мольпов Аполлону Дельфинию относится к последней трети V – началу IV в. до н. э.; вместе с этим сделан вывод о том, что «надписи мольпов идут на протяжении всего V в. Среди надписей IV в. мольпы не упоминаются, из чего можно заключить, что в начале этого столетия религиозная жизнь в Ольвии была реформирована» [Яйленко, 1987, с. 41].

они при всех режимах исполняли свои главные задачи, заключающиеся в защите гражданских прав и ежегодном проведении календарных праздников в честь Аполлона Дельфиния, служивших единению граждан в Милетском полисе.

У нас не имеется достоверных данных о том, когда именно в Ольвии начал функционировать союз мольпов и в какие годы он действительно прекратил свою деятельность. Лишь предположительно можно полагать, что он возник одновременно с учреждением культа Аполлона Дельфиния в ипостаси верховного бога полиса в третьей четверти VI в. и приобрел заметное влияние с переселением какой-то части милетских мольпов после ионийского восстания и осады Милета персами, где они совместно продолжали свою религиозную и культурно-политическую деятельность [Русяева, 1992, с. 193–195]. Но постепенное восстановление метрополии, вновь отстроенный Дельфинион на том же самом месте и все более усиливавшееся в нем значение союза мольпов в общественной и культурной жизни в последней четверти V в., также могло послужить стимулом для возвращения мольпов в свой родной город. Тем более, если ими были нарушены какие-то ольвийские местные религиозные установления, например, в культе Аполлона Иетроса. В святилище этого бога, которое продолжало функционировать в Западном теменосе синхронно со святилищем Аполлона Дельфиния в Восточном теменосе, не найдено ни одного посвящения мольпов. Все они сосредоточены только в сакральной зоне их главного патрона, как и в милетском Дельфинионе.

История Милета на протяжении 479–334 гг., к сожалению, известна мало [Graham, 1988; Ehrhardt, 1983; Müller-Wiener, 1986; Graeve, 2000], что не дает возможности проследить детально по отдельным хронологическим этапам восстановление и развитие его взаимоотношений с Ольвией. Былая слава “жемчужины Ионии” (Herod., V, 28) ушла в прошлое. Оставаясь номинально свободным полисом, Милет периодически включался в те или иные военные действия, становился в той или иной мере подвластным то Афинам и Афинской архэ, то снова персам, а в 332 – 323 гг. Александру Великому. На протяжении 450–440 гг. афиняне время от времени меняли свое отношение к Милету главным образом по причине того, что сами милетяне вслед за другими городами восставали против Афин из-за требований уплаты фороса в Афинский морской союз и насильственного насаждения демократического строя [Herrman, 1970, S. 162–173]. Однако, несмотря на сопротивление в Милете к 440 г. все-таки была установлена демократия, ставшая итогом острой социальной борьбы между милетскими аристократами и демократами (Ps.-Xen. Ath. Pol., III, 11), которых, естественно, более всего поддерживали демократические Афины [Meiggs, 1972, p. 115–116, 188, 561–562].

Тем не менее, несмотря на демократическое правление, аристократический союз мольпов, явно не поддерживавший олигархов-персофилов, не был изгнан из Милета, продолжая заниматься своей деятельностью, в особенности общественно-правовой, эпонимной и религиозной. Благодаря их усилиям

и финансовой помощи было отстроено святилище Аполлона Дельфиния с монументальным алтарем [Weber, 2006, S. 349–350]. Около середины V в. при айсимнете Филте, сыне Дионисия, осуществлена запись их устава на мраморной плите, установленной в Дельфинионе [Kawerau, Rehm, 1914, S. 256, № 122]. В данном аспекте интересен тот факт, что без согласия мольпов не проводилась процедура включения в число милетских граждан выходцев из других античных городов, имена которых вырезались на каменных плитах в Дельфинионе [Kawerau, Rehm, 1914, S. 310–366]. Благодаря этим надписям известно, что в Милете периодически предоставлялись права эллинам после прохождения установленной для этого процедуры, что подлежало кроме того «проверке у мольпов и суду (о присвоении) гражданства в соответствии с законами» [Kawerau, Rehm, 1914, S. 318–324, № 143]. В общем «политическое влияние ассоциации мольпов с ее аристократическим характером должно расцениваться не как результат, а скорее как один из исходных пунктов становления государственного аппарата в Милете; традиционный авторитет и власть айсимнета выдержали все испытания, связанные с бурной общественно-политической жизнью милетян, и роль мольпов была заметной еще на рубеже III–II вв. до н. э.»¹⁰ [Карышковский, 1984, с. 48; см. также: Luria, 1928, S. 113–122], а по отдельным данным и до первой трети I в. н. э. [Kawerau, Rehm, 1914, S. 254–275].

Кроме того, заслуживает особого внимания и чрезвычайная ситуация, сложившаяся почти синхронно в Ольвии и Милете, вследствие которой из последнего, хотя и возрожденного, но еще не достигшего особого экономического подъема, в Нижнее Побужье могла переехать какая-то часть милетян. Считается, что в 334 г. Милет, находившийся снова под властью персов и правящих олигархов-персофилов, был осажден Александром Македонским [Graeve, 2000, S. 113–129]. Поскольку стало известно, что в завоеванных городах он приказывал повсеместно уничтожать олигархическое правление, восстанавливать демократический строй и возвращать свойственные каждому из них законы (Arr. Anab., I, 18, 2), то осажденные македонской армией милетяне отказались заключить с ним мирное соглашение. В итоге Александру пришлось штурмом взять город в том же году (Arr. Anab., I, 18, 3–4; 19, 1–6); [ср. с литературой: Graeve, 2000, S. 124–129].

Однако вскоре он снова оказался под властью персов и только в 332 г. был окончательно отвоеван македонцами (Curt., IV, 5, 13). Вследствие столь сложной обстановки, которая сложилась в Милете в процессе военных действий, не исключено, что наиболее потерпевшие в этой борьбе богатые милетяне и выходцы из других ионийских городов переехали в Ольвию. Не стало ли это одной из причин того, что именно на Ольвию двинулась во

¹⁰ При этом можно отметить, что Милет периодически по разным причинам принимал в число своих граждан выходцев из разных полисов даже после 228 г. до н. э. [Kawerau, Rehm, 1914, №№ 123, 124, 138 и другие].

главе с полководцем Александра – Зопирионом будто бы 30-тысячная армия? Ведь при этом примечательно, что борисфениты (ольвиополиты) в это время впервые в своем полисе пошли на экстраординарные меры: освободили рабов, наделили гражданскими правами неизвестно из каких областей прибывших сюда иноземцев и пересмотрели долговые списки, что дало им возможность выстоять против врага¹¹ (Macrob. Sat. 1, 2, 33).

Но самое главное заключается в том, что после этих событий Ольвия в течение двух-трех десятилетий достигла наивысшего за всю свою историю экономического и культурного расцвета. В городе были произведены коренные преобразования в градостроительном и архитектурном облике, на что, несомненно, были потрачены огромные средства, которые вряд ли имелись только у коренных ольвиополитов. Поэтому вполне возможно, что новые граждане, среди которых было немало милетян, приложили максимум усилий для преобразований в городе. Одновременно большие строительные работы велись и в Милете, где планомерно осуществлялась задача стать таким же знаменитым, как в архаическое время. Судя по археологическим открытиям монументальных сооружений и градостроительной Гипподамовой планировке в эллинистическое время он снова стал одним из крупнейших городов и торговых центров античного мира с четырьмя гаванями и огромными рынками [Strab., XIV, I, 6; Müller-Wiener, 1986, S. 121–128].

Считается, что уже в период вхождения Милета в державу Александра Великого заново было построено городское святилище Аполлона Дельфиния, территория которого увеличилась вдвое, по сравнению с V в. [Kawerau, Rehm, 1914, S. 141]¹². Очевидно, под воздействием договора об исополитии и приезжавших в Ольвию милетян в раннеэллинистическое время значительно

¹¹ Относительно осады Ольвии Зопирионом высказаны самые разные взгляды. Большинство авторов, ссылаясь на данные Макробия, считают, что осаде подвергся именно этот город и под борисфенитами, согласно эллинской литературной традиции, следует видеть ольвиополитов [см. с литературой и ср.: Виноградов, 1989, с. 150–173; Anochin, Rolle, 1998, S. 837–848]. Совершенно иной точки зрения придерживается В. П. Яйленко, настойчиво доказывая, что 30-тысячный корпус Зопириона был направлен на завоевание Скифии, в частности городища Каменское [см. подробнее: 1990, с. 249–260]. Скорее всего, эта цифра преувеличена, поскольку, с одной стороны, например, в это же время (летом 331 г.) Александр двинулся из Сирии в Месопотамию во главе армии, состоящей из 40 тысяч пехотинцев и 7 тыс. всадников; кроме того, немногим уступала по числу его армия при завоевании азиатских земель в районе пролива Дарданеллы (30 тысяч пехотинцев и 5 тысяч всадников) против значительно превосходящих сил персидского царя Дария III.

¹² После смерти Александра Великого Милет находился под властью Птолемеев, затем – Селевкидов, которые формально предоставили автономию всем греческим городам, поскольку были заинтересованы в их экономическом и культурном развитии, а во II в. до н. э., наряду с другими малоазийскими городами, стал составной частью Римской империи. О том, насколько милетяне постоянно стремились к полисной автономии, свидетельствует хотя бы тот факт, что они провозгласили богом царя Антиоха II в благодарность за то, что он освободил их от захватившего власть в их городе тирана Тимарха, когда тот вел военные действия против Птолемея (Appian. Syr., 65).

обновилось и ольвийское святилище Аполлона Дельфиния. Его территория была полностью сnivelирована с помощью насыпного чистого лесса, во многих местах замощена плитами, обнесена новой каменной оградой, внутри нее возведены монументальные культовые сооружения (храмы и сокровищница), над старым известняковым алтарем был поставлен новый – мраморный, служивший здесь для главных ритуальных обрядов; с южной стороны была сооружена большая стоя [Карасев, 1964, с. 39 сл.; Леви, 1985, с. 65–112]. Вместе с этим было построено огромное количество жилых домов, в том числе большой площади, в разных районах Ольвии, а также общественных сооружений (гимнасий, дикастерий), проведено благоустройство; синхронно глобальные преобразования произошли и на хоре, территория которой значительно увеличилась [см. подробнее с литературой: Крыжицкий, 1971; 1993; Леви, 1985; Крыжицкий, Лейпунская, 1999, с. 158–220]. Следует думать, что совсем не случайно как раз в период грандиозного обновления Ольвии ее метрополия обратила на нее пристальное внимание.

Исходя из того, что в тексте договора речь идет больше всего о государственных, судебных, торговых и религиозных правах милетян в Ольвии, можно предполагать, что его копия должна была находиться и в нижнебугском полисе, чтобы его прочитали не только посещавшие Милет ольвиополиты, но и все те, кто не имел такой возможности, но мог стремиться к этому. Тем более, что договор не был ограничен во времени, а мыслился на все времена. Пока, несмотря на множество разнообразных эпиграфических памятников, ни одного фрагмента от нее при раскопках Ольвии не обнаружено. Тем не менее, милетская надпись дает все основания считать, что между метрополией и дочерним полисом существовали теснейшие многосторонние отношения и в раннеэллинистическое время [см. подробнее: Жебелев, 1953, с. 38–47; Виноградов, 1989, с. 69–70, 169–170; Ehrhardt, 1987, S. 115 ff.].

Указание в самом начале договора об «исконных (отчих) установлениях для ольвиополитов и милетян», заключающихся в их равноправии и одинаковых основаниях на жертвоприношения на тех же самых алтарях и доступе в те же самые святилища, участие в состязаниях, возношение молитв в поминальные дни, соответственно, в Ольвии и Милете, свидетельствует о том, сколь большое значение придавалось сохранению древних обычаев в религиозной сфере, способствовавших единению граждан на новом месте обитания и сохранению памяти не только о своих родственниках, но и в целом о родном крае. Вообще для всех людей, согласно Пиндару и Геродоту, «обычай – царь всего» (Herod. III, 38). Поэтому не удивительно, что среди государственных дел в милетско-ольвийском договоре столь отчетливо представлены религиозные мероприятия в соответствии с отчими установлениями. Особенно интересно отмеченное в договоре одинаковое право «возносить молитвы в поминальные дни». Ряд сопоставлений с подобными установлениями позволил Н. Эрхардту прийти к заключению, что в Ольвии в 30-е числа, по всей вероятности, каждого

месяца, а в Милете в какие-то другие дни граждане возносили проклятия всем врагам полиса [Ehrhardt, 1987, S. 89–90]. Поскольку и у милетян, и у ольвиополитов было немало врагов, как общих, так и отдельных для каждого из них, то, естественно, исполнение такого ритуала гражданскими общинами и участие в нем прибывших с той или иной целью. Однако, все-таки в поминальные дни в процедуре соответствующих обрядов прежде всего устраивались поминальные тризны ради памяти умерших предков с молитвами и возлияниями, тем более, что у многих граждан в обоих полисах они считались общими.

В жизни всех эллинов особое место занимали разного рода ритуальные действия, в которых сочетались духовные и материальные ценности. Если в число первых можно отнести разные обращения к божествам, просьбы, молитвы, специальные жесты и слова, воздействующие на участников того или иного их исполнения, то жертвоприношения и возлияния требовали наличия алтарей, разных животных и орудий для их умерщвления, разжигания огня как символа очищения и вместе с тем для приготовления их частей в коллективных сакральных трапезах; сосудов с вином, водой, медом, молоком для соответствующих либаций. Для проведения ритуалов, связанных с плодородием полей и садов, началом посевов и сбором урожая, собирали снопы, зерно, разнообразные плоды, фрукты, цветы – то есть без многих материальных благ, полученных людьми в процессе трудовой деятельности, не мог обойтись ни один праздник в честь того или иного божества.

Поэтому, когда в договоре об исополитии указывалось о жертвоприношениях на тех же самых основаниях и доступе во все святилища, то, очевидно, что власти каждого из полисов обязаны были выполнять такие установления. Вряд ли милетяне везли в Ольвию для жертвоприношений своих животных точно так же, как и ольвиополиты – в Милет. Возможно, они просто принимали участие в ритуалах на равных правах, когда за счет храмовой казны покупались животные и производились сакральные пиры. Для времени существования договора не имеется никаких достоверных источников, как практически исполнялись отдельные правила относительно жертвоприношений и посещений святилищ. Вообще конкретно к его клаузулам нельзя привязать ни один эпиграфический источник, по которому можно было бы утверждать, что такой-то либо такие-то ольвиополиты посетили Милет, где им были предоставлены все права, и наоборот. Только полное отсутствие в Ольвии каких-либо проксенических декретов в честь милетян при наличии таковых из многих других городов объясняется как раз договорными условиями о пользовании ателиями и правами гражданства, уравнивающими во всем милетян с ольвиополитами в Ольвии и ольвиополитов с милетянами в Милете не только в эллинистическое время, но, очевидно, и раньше, когда в Ольвии были изданы первые декреты об ателии, если, конечно, еще не в более ранний период формирования полиса в Нижнем Побужье, достигшего высокого уровня развития благодаря метрополии [ср. Виноградов, 1989, с. 70].

Хотя в Ольвии в эллинистическое время эпонимные должности исполняли жрецы Аполлона Дельфиния и о деятельности мольпов не имеется никаких упоминаний, его святилище служило для выставления и хранения полисных декретов, в частности многих проксений, что дало возможность считать, что оно являлось также и «каменным архивом» [Виноградов, Русяева, 1980, с. 27–28; Леви, 1985, с. 85–88], по аналогии с Милетом [Ehrhardt, 1983, S. 130]. Отсюда ясно, что в почитании ольвиополитами культа Аполлона Дельфиния сохранялись установленные еще мольпами традиции не только собственно для ритуалов, но и в расширении общественно-политических функций его святилища. В определенной степени это подтверждается устройством в нем общественных приемов с трапезами для почетных граждан, отличившихся благодеяниями в кризисный период в истории Ольвии, судя по надписям второй половины III и II в. до н. э. [Леви, 1963, с. 7–9; НО, 28, 35, 36; Русяева, 1989, с. 26–35]. Согласно сведениям историка Досиада, на общественные трапезы, в частности в святилище Аполлона Дельфиния на Крите, приглашались свободные граждане, а также иностранцы, бывшие почетными гражданами; на них проводились дискуссии за четким регламентом: обсуждение внутренней политики, общегосударственных и военных дел, а в конце – чествование почетных граждан (Athen., 4, 22, 143 С).

Исторические судьбы как Милета, так и Ольвии не были постоянно устойчивыми и благополучными после заключения договора об исополитии Александр Македонский, несмотря на сопротивление милетян во время завоевания их города, многое сделал для возрождения его былой славы, в 331 г. даже открыл оракул в Дидимском святилище Аполлона [см. с литературой: Günther, 1971; Ehrhardt, 1983, S. 94–95]¹³. Однако его возобновление не привлекало либо мало интересовало ольвиополитов: во всяком случае, согласно эпиграфическим источникам, отдельные из них предпочитали посещать аполлоновские святилища на Делосе и в Дельфах, где как эвергеты удостоивались почетного гражданства и наделялись разными привилегиями во второй половине III–II вв. до н. э. [Русяева, 1992, с. 210–212].

Хотя в это время Милет превратился в один из крупнейших торговых центров, его прямые связи с Ольвией прослеживаются слабо. Лишь отсутствие каких-либо проксенических декретов в честь милетян, по аналогии с теми многочисленными проксениями торговцам и их семьям из разных городов Средиземноморья и Причерноморья, может указывать на то, что Милет и Ольвия продолжали придерживаться основных правил договора вплоть

¹³ По-видимому, уже тогда было решено возвести на руинах древнего Дидимейона огромный храм этого бога. Его строительство началось после возвращения Селевком I Никатором на рубеже IV–III вв. до н. э. увезенной из разрушенных Дидим в Экбатаны известной статуи Аполлона работы скульптора Канаха и продолжалось с перерывами на протяжении около четырех веков (до 41 г. н. э.), но так и не было полностью завершено [Strab. XI, 11, 4; XIV, 1, 5; Dioid. XVII, 20; Кобылина, 1965, с. 194–197; Gruben, 1966, S. 56 f.].

до глобального кризиса в последней трети III в. или, что менее вероятно, до времени разгрома гетами около 55 г. до н. э. В известном каталоге имен, который интерпретируется то как синхронный список граждан III в. [Латышев, 1887, с. 84; IOSPE, I², 201; Яйленко, 1990, с. 281–283], то как диахронный каталог эпонимов города – жрецов Аполлона, фиксированный около рубежа II – I вв. до н. э. [ср. Карышковский, 1978, с. 82–88; Виноградов, 1989, с. 220–221] или несколько раньше, представлены также в своем большинстве аристократические имена, аналогичные милетским [ср. Kawerau, Rehm, 1914, № 123, 124 и др.]. Сравнение ольвийских и милетских имен не дало «возможности различить исконных ольвиополитов и милетских новопоселенцев в Ольвии, воспользовавшихся актом об исополитии, но свидетельствует об одних и тех же социальных тенденциях в обоих полисах»; в свою очередь преобладание в каталоге аристократических имен свидетельствует о чрезвычайном консерватизме местных граждан и их ориентации на духовные ценности архаического времени [Яйленко, 1990, с. 282–283].

Вполне вероятно, что ольвийским жрецам Аполлона Дельфиния, несомненно посещавшим Милет (и не только в соответствии с договором), стали известны выставленные в Дельфинионе различные списки граждан, в том числе эпонимов – айсимнетов мольпов, исполнявших также должности главных жрецов милетского Аполлона Дельфиния. По их примеру мог быть зафиксирован диахронный список имен с патронимиками и в Ольвии, но вряд ли в столь позднее время. Кроме того, только фрагмент надписи, в которой сохранилось около 135 имен (предполагается, что их было 300), не может раскрыть достоверную причину их фиксации и назначение столь важного для истории Ольвии документа. В период, согласно декрету Протогена (IOSPE, I², 32), ее тяжкого экономического и культурного, а затем и политического кризиса, неурожаев и голода, угрозы нашествия галатов и скифов, военных стычек с варварами, «многие впали в отчаяние и приготовились покинуть город... и выселились многие иностранцы и немалое количество граждан». В дальнейшем протекторат Скилура еще сильнее усугубил политическое положение Ольвии. Самые большие и богатые дома в городе прекратили свое существование несколько раньше гетского нашествия – по разным данным во второй половине – конце II в. [см. и ср. Крыжицкий, 1971; Леви, 1985, с. 26–64; Виноградов, 1989, с. 261–262; Крыжицкий, Лейпунская, 1999, с. 158–190]¹⁴. В таком случае при существовании договора об исополитии жившие в них граждане

¹⁴ Анализ и сопоставление археологических данных об Ольвии этого времени дало возможность С. Д. Крыжицкому и Н. А. Лейпунской прийти к общему заключению: «В целом, очевидно, к I в. до н. э. какое-либо новое строительство прекращается полностью. И город к моменту гетского нашествия под предводительством Буребисты в середине I в. до н. э. представлял собой довольно жалкое зрелище – разобранные для ремонта оборонительных стен святилища, пустыри и пожарища в жилых кварталах не только на окраинах города, но и в центре, небрежно укрепленные стены и башни» [Крыжицкий, Лейпунская, 1999, с. 190; ср. также: Виноградов, 1989, с. 261–262].

могли временно переселиться прежде всего в Милет¹⁵. Но сами милетяне в трудный для Ольвии период, лишившейся большой хоры и находившейся под угрозой варварских нападений, вряд ли приезжали даже на состязания в честь Ахилла, которые впервые зафиксированы в посмертном декрете в честь Никерата, сына Папия, защитившего ольвиополитов (IOSPE, I², 34), в которых они, бесспорно, участвовали раньше, в особенности после заключения соглашения.

Не сохранилось никаких сведений и о том, предоставлял ли Милет какую-либо помощь ольвиополитам в период кризиса. В знаменитой хронике из истории Ольвии – декрете в честь Протогена (IOSPE, I², 32), в тексте которого столь подробно описано тяжелое положение города на протяжении второй половины III в., нет и намека на метрополию или обращение ольвиополитов к милетянам с просьбами о помощи. При этом можно сделать оговорку, что в договоре вообще отсутствуют установления о взаимопомощи и особых обязательствах друг перед другом в экстраординарных случаях. Этим также подтверждается, что соглашение появилось в мирный период, когда политические деятели и граждане, – если оно получило одобрение на народном собрании, – в силу каких-то причин как будто не задумывались о новых войнах с окружающими варварами. Возможно, объяснение кроется в изменившемся мировоззрении, вызванном многочисленными победами Александра Македонского и не сохранившимися оракулами Аполлона Дидимейского, предвещавшими длительное благоденствие эллинов. Как долго продолжалось целенаправленное исполнение установленных договором об исполитии одинаковых прав для граждан Ольвии и Милета, – соответственно в каждом из них, – не известно: не сохранилось даже упоминаний о наличии каких-либо прямых контактов между ними.

В первые века новой эры, – уже в восстановленной после гетского разгрома Ольвии, – только в одном почетном декрете в честь Феокла, сына Сатира, II в. н. э. Милет значится на одном из последних мест среди городов, удостоивших этого ольвиополита почестями (IOSPE, I², 42). По-видимому, долго существовавшие, вероятно, даже родственные отношения между милетскими и ольвийскими аристократическими родами в это время и в совершенно иной внешнеполитической обстановке, вызванной господством Римской империи, сами собой прервались. Ольвиополиты, произведя коренные реформы в политике и религиозной сфере в возрожденном городе, заменив Аполлона Дельфиния в ипостаси верховного бога Ахиллом Понтархом и его жрецов-эпонимов – архонтами, а также приняв в число граждан множество выходцев из варварской среды, в том числе сарматского происхождения, и тем самым нарушив былое моноэтническое единство гражданской общины [Русяева, 1992; 1999,

¹⁵ Судя по сохранности строительных остатков, многие большие дома не были до основания разобраны, в отличие от сооружений теменов, даже после возрождения города в первые века н. э. Такое отношение обедневших и возвратившихся ольвиополитов к частной собственности, очевидно, было узаконено. Не исключено, что покидавшие свои дома граждане в надежде возвратиться в них, оставляли их на попечение полисных властей и домашних рабов.

с. 439–466], видимо, больше не стремились к возобновлению тесных политических и культурных контактов с метрополией, точно так же, как и милетяне. Однако это не значит, что в Ольвии были полностью прекращены вынесенные еще ее основателями отдельные традиции. Вопреки всем разорениям, гетскому разгрому и кратковременному прекращению существования города ольвиополиты возобновили в своей основе милетский календарь, соответствующие ему религиозные праздники, выше всех поэтов ставили Гомера и по-прежнему почитали Аполлона, хотя и в ипостаси Простата, как главного защитника и вершителя побед в борьбе со многими врагами.

Исходя из всего изложенного, можно считать, что наиболее интенсивные связи между Милетом и Ольвией существовали в позднеархаическое время до разгрома персами в 494 г., когда в большинстве были заложены исконные традиции во многих сферах жизни, сохранявшиеся на протяжении веков. Среди главных факторов их длительного сохранения можно выделить: моноэтнический состав гражданской общины и ее единство в признании и почитании Аполлона Дельфиния; политическую и религиозную деятельность аристократических родов, придававших особое значение древнейшим обычаям; заключение договора об исполитии между Милетом и Ольвией, в значительной мере укрепившем дальнейшее следование исконным традициям; периодические перемещения милетян в Ольвию и нижебугских эллинов – в Милет.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин В.А., Русяева А.С.* Государственное устройство Ольвии // Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999 – дальше: Ольвия. 1999.
- Белецкий А.А.* Греческая надпись на базе статуи из Ольвии // ВДИ. 1955. № 2.
- Буркерт В.* Аполлон Дидим и Ольвия // ВДИ. 1990. № 2.
- Виноградов Ю.Г.* Киклические поэмы в Ольвии // ВДИ. 1969. № 3.
- Виноградов Ю.Г.* Милет и Ольвия. Проблема взаимоотношений метрополии и колонии на раннем этапе // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1979.
- Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Том I.
- Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII – I вв. до н. э.: историко-эпиграфическое исследование. М., 1989.
- Виноградов Ю.Г., Русяева А.С.* Культ Аполлона и календарь в Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980.
- Диатроптов П.Д.* Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., 2001.
- Древнейший теменос* Ольвии Понтийской. Симферополь, 2006.
- Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. М., Л., 1953.
- Карасев А.Н.* Монументальные памятники ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М., Л., 1964.
- Каришковский П.Й.* З історії Ольвії у IV ст. до н.е. // Праці Одеського Державного університету. Одеса, 1956. Т. 146. Вип. 5.
- Каришковский П.О.* Ольвийские эпонимы // ВДИ. 1978. № 2.

- Карышковский П. О.* Ольвийские мольпы // Северное Причерноморье. Киев, 1984.
- Книпович Т. Н.* Население Ольвии в VI – I вв. до н. э. по данным эпиграфических источников // МИА. 1956. № 50.
- Кобылина М. М.* Милет. М., 1965.
- Колобова К. М.* Из истории раннегреческого общества. Ленинград, 1951.
- Кошеленко Г. А., Кузнецов В. Д.* Греческая колонизация Боспора // Причерноморье в VII–V вв. до н.э. Тбилиси, 1990.
- Крыжицкий С. Д.* Жилье ансамбли древней Ольвии IV – II вв. до н. э. Киев, 1971.
- Крыжицкий С. Д.* Архитектура античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1993.
- Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М.* Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.
- Крыжицкий С. Д., Лейпунская Н. А.* Нижнее Побужье в архаическое время // Ольвия. 1999.
- Крыжицкий С. Д., Лейпунская Н. А.* Нижнее Побужье в классическое время // Ольвия. 1999.
- Крыжицкий С. Д., Лейпунская Н. А.* Нижнее Побужье в эллинистическое время // Ольвия. 1999.
- Крыжицкий С. Д., Русяева А. С., Назарчук В. И.* Архитектурная терракота позднеархаического времени из Ольвии // Боспорские исследования. 2005. VIII.
- Курбатов А. А.* Греческая аристократия и Великая колонизация VIII–VI вв. до н. э. // Политика и идеология в древнем мире. М., 1993.
- Кутайсов В. А.* Керкинитида в античную эпоху. Киев, 2004.
- Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887.
- Леви Е. И.* Две ольвийские надписи с упоминанием храма Аполлона // КСИА АН СССР. 1963. Вып. 95.
- Леви Е. И.* Материалы ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М., Л., 1964.
- Леви Е. И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985.
- Петрова М. С.* Интеллектуальные традиции (проблемы исследования) // Интеллектуальные традиции античности и средних веков (исследования и переводы). М., 2010.
- Пичикая И. Р.* Культура Бактрии: ахеменидский и эллинистический периоды. Очерки. М., 1991.
- Русяева А. С.* Милет-Дидимы – Борисфен-Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2.
- Русяева А. С.* Эпиграфические памятники. Скульптура // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев, 1987.
- Русяева А. С.* Архаическая архитектурная терракота из Ольвии // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988.
- Русяєва А. С.* Громадсько-політичні функції елліністичного храму Аполлона в Ольвії // Археологія. 1989. № 4.
- Русяева А. С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992.
- Русяєва А. С.* Іонія напередодні та в період північнопонтійської колонізації // Давня історія України: Скіфо-антична доба. Київ, 1998. Том 2.
- Русяева А. С.* К вопросу об основании ионийцами Ольвии // ВДИ. 1998. №1.
- Русяева А. С.* Обычаи и нравы ольвиополитов // Ольвия. 1999.
- Русяева А. С.* Календарь Ольвии Понтийской: методика и история исследования // ВДИ. 2003. № 2.
- Русяева А. С.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Киев, 2005.
- Русяева А., Одрин А.* Торговые и культурные приоритеты Милета в Северном Причерноморье в VI в. до н. э. // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. СПб., 2001. 2.
- Свенцицкая Н. С.* Греческие города в составе Лидийского царства // ВДИ. 1978. № 1.
- Скюднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии. Ленинград, 1988.
- Таронян Г. А.* Плиний Старший // Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. М., 1994.
- Функ Б.* Ранние связи греков с державой Ахеменидов в свете древнеперсидских и античных источников // ВДИ. 1990. № 2.
- Яйленко В. П.* Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. М., 1982.
- Яйленко В. П.* Материалы к “Корпусу лапидарных надписей Ольвии” // Исследования по эпиграфике и языкам древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987.

- Яйленко В.П. Оливия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990
- Alexandrescu P. Histria in archaischer Zeit // Xenia. Konstanz, 1990. 25.
- Anochin V.A., Rolle R. Griechische Schleuderbleie bei den Mauern von Olbia // Veröffentlicht Joachim Jungius. Geschichte Wissenschaftlichen. Hamburg, 1998. 87.
- Bilabel F. Die ionische Kolonisation // Philologus Supplement. Leipzig, 1920. 14, 1.
- Boardman J. Kolonien und Handel der Griechen. München, 1981.
- Burkert W. Olbia and Apollo of Didyma: a New Oracle Text // Apollo. Origins and Influences. Tucson, 1994
- Dubois L. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Genève, 1996.
- Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Main, Bern, New York, 1983.
- Ehrhardt N. Die politischen Beziehungen zwischen den griechischen Schwarzmeergründungen und ihren Mutterstädten. Ein Beitrag zur Bedeutung von Kolonialverhältnissen in Griechenland // Acta Centri historiae Terra antiqua Balcanica. Trinovi, 1987. 2.
- Essen G.C. Sur le deuxième Didymeion // Etudes d'Archéologie et d'Histoire grecque. Paris, 1947.
- Gawantka W. Isopolitie. München, 1975.
- Graeve V. von. Die Belagerung Milets durch Alexander den Grossen // Civilisation Grecque et cultures antiques périphériques. Bucarest, 2000.
- Graham A.J. Colony and Mother City of Ancient Greece. Chicago, 1988.
- Graf F. Das Kollegium der Molpoi in Olbia // Museum Helveticum. 1974. 31.
- Graf F. Apollon Delphinios // Museum Helveticum. 1979. 36.
- Gruben G. Die Tempel der Griechen. München, 1966.
- Günther W. Das Orakel von Didyma in hellenistischer Zeit // Istambuler Mitteilungen. Tübingen, 1971. 4.
- Herrman P. Zu den Beziehungen zwischen Athen und Milet im V Jh. // Klio. 1970. 52.
- Kawerau G., Rehm A. Milet: Das Delphinion in Milet. Berlin, 1914. 1. 3.
- Kleiner G. Alt-Milet. Wiesbaden, 1966.
- Luria S. Ein milesischer Männerbund im Lichte ethnologischer Parallelen // Philologus. 1928. 37. 2.
- Meiggs R. The Athenian Empire. Oxford, 1972.
- Müller-Wiener W. Zur Erforschung der hellenistischen Monumente Milets // Milet 1899–1980: Ergebnisse, Probleme und Perspektiven einer Ausgrabung. Kolloquium Frankfurt am Main 1980. Tübingen, 1986.
- Nilsson M.P. Griechische Feste von religiöser Bedeutung. Leipzig, 1906.
- Philipp H. Archaische Gräber in Ostionien // Istambuler Mitteilungen. 1981. 31.
- Rusjaeva A., Vinogradov Ju. Apollon Ietros, Herrscher von Istros, in Olbia // Civilisation Grecque et cultures antiques périphériques. Bucarest, 2000.
- Seibert J. Metropolis und Apoikie. Würzburg, 1963.
- Seibert J. Alexander der Grosse. Darmstadt, 1972.
- Strocka V.M. Variante, Wiederholung, Serie in griechischen Bildhauerei // JDAI. 1979. 94.
- Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Mainz am Rhein, 1997.
- Weber B.F. Der Stadtplan von Milet // Frühes Ionien eine Bestandsaufnahme. Panionion – Symposium 1999 / Milesische Forschungen. Mainz am Rhein, 2008. 5.
- Werner R. Probleme der Rechtsbeziehungen zwischen Metropolis und Apoikie // Chiron. 1971. 1.
- Zimmermann K. Frühe Dachterrakotten aus Milet und dem Pontosgebiet // Frühes Ionien eine Bestandsaufnahme. Panionion – Symposium 1999 / Milesische Forschungen. Mainz am Rhein, 2008. 5.

Г.С. Русяєва

ПРО ТРАДИЦІЇ МІЛЕТУ У КУЛЬТУРІ ОЛЬВІЇ ПОНТІЙСЬКОЇ

Резюме

Найбільш інтенсивні зв'язки між Ольвією (Olbia) та Мілетом (Miletus) існували у пізньархаїчний час до його розгрому персами у 494 р. до н.е., коли в основному були закладені споконвічні традиції в багатьох сферах життя та духовної культури, які збереглися протягом століть. Це не тільки головні культи богів та героїв, в особливості Аполлона Дельфінія (Apollo Delphinios), копіювання окремих елементів у пристрої його святині, календар (calendar) і у відповідності з ним проведення загально полісних календарно-релігійних свят, організація аристократичних сакральних спілок мольпів (molpoi), але і провідна роль у суспільній громаді аристократичних родів. З метрополії (metropolis) були винесені іонійський діалект в його мілетському варіанті, алфавіт, палеографія (paleographia), антропонімія (antroponymia), основи освіти, ймовірно, міфологічної та літературної творчості, архітектурний декор; на протязі століть продовжувалось захоплення та вивчення відомих епосів Гомера (Homeros) та звеличення його головного героя Ахілла (Achilleos). Серед головних факторів їх тривалого збереження можна відокремити: моноетнічний склад суспільної громади та її єдність в визнанні та шануванні Аполлона Дельфінія (Apollo Delphinios) в іпостасі верховного бога полісу (polis); політичну та релігійну діяльність аристократичних родів, сакральних громад та жерців-епонімів (eponymos), які надавали особливе значення давнішим звичаям; заключення угоди про ісополітію (isopolitia) між Мілетом (Miletus) та Ольвією (Olbia); періодичні переїзди громадян Мілету в Ольвію та ольвіополітів (olbiopolitoi) до Мілету.

А.С. Русяєва

О ТРАДИЦИЯХ МИЛЕТА В КУЛЬТУРЕ ОЛЬВИИ ПОНТИЙСКОЙ

Резюме

Наиболее интенсивные связи между Ольвией (Olbia) и Милетом (Miletus) существовали в поздньархаическое время до его разгрома персами в 494 г. до н. э., когда в основном были заложены исконные традиции во многих сферах жизни и духовной культуры, сохранявшиеся на протяжении веков. Это не только главные культы богов и героев, в особенности Аполлона Дельфиния, (Apollo Delphinios) копирование отдельных элементов в устройстве его святилища, календарь (calendar) и в соответствии с ним проведение общеполисных календарно-религиозных празднеств, организация аристократического сакрального союзов мольпов (molpoi), но и ведущая роль в гражданской общине аристократических родов. Из метрополии (metropolis) были вынесены ионийский диалект в его милетском варианте, алфавит, палеография (paleographia), антропонимия (antroponymia), основы образования, вероятно, мифологического и литературного творчества, архитектурный декор; на протяжении веков продолжалось увлечение и изучение знаменитых эпосов Гомера (Homeros) и возвеличивание его главного героя Ахилла (Achilleos). Среди

главных факторов их длительного сохранения можно выделить: моноэтнический состав гражданской общины и ее единство в признании и почитании Аполлона Дельфиния (Apollo Delphinios) в ипостаси верховного бога полиса (polis); политическую и религиозную деятельность аристократических родов, сакральных союзов и жрецов-эпонимов (eponymos), придававших особое значение древнейшим обычаям; заключение договора об исополитии (isopolitia) между Милетом (Miletus) и Ольвией (Olbia); периодические переезды граждан Милета в Ольвию и ольвиополитов (olbiopolitoi) в Милет.

A.S. Rusjaeva

THE TRADITIONS OF MILETUS IN THE CULTURE OF OLBIA PONTICA

Summary

The most intense links between Olbia and Miletus existed in the late archaic time before his defeat by the Persians in 494 BC, when the ancestral traditions in many areas of life and spiritual culture were basically laid, prevailed throughout the centuries. It is not only the major cults of the gods and heroes, especially Apollo Delphinios, copying of individual elements in the structure of its sanctuary, a calendar, and in accordance with the holding of general polis calendar of religious festivities, the organization of the aristocratic sacred union of molpoi, but the leading role of aristocratic families in civilian community. Ionian dialect in its version of Miletus, the alphabet, paleography, anthroponomy, basic education, possibly mythological and literary creation, and architectural decoration stemmed from the metropolis. Fascination with epic and the study of epics of Homer and the glorification of his hero Achilles continued over the centuries. Among the main factors of their long term preservation one can identify mono-ethnic civil community and its unity in recognizing and honoring Apollo Delphinios in the hypostasis of the supreme god of the polis; political and religious activities of aristocratic families; sacred unions and priests – eponyms, who gave special importance to the ancient traditions; the concluding isopolitia treaty between Miletus and Olbia; periodic removals of the citizens of Miletus in Olbia and removals of olbiopolitoi in Miletus.